

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
К «ИСПЫТАНИЮ
“МЕНДЕЛЬСОНОВЫХ
УТРЕННИХ ЧАСОВ”»
ЛЮДВИГОМ ГЕНРИХОМ
ЯКОБОМ¹

И. Кант*

Когда читаешь последнее сочинение Мендельсона, изданное им самим, и видишь то доверие этого испытанного философа, которое он оказывает *демонстративному* способу доказательства одного из наиважнейших положений чистого разума, поддаешься искушению рассматривать узкие границы, поставленные скрупулезной критикой этой способности познания, как соображение, лишенное, как представляется, оснований, а все возражения против *возможности* подобного предприятия как опровергнутые действительностью (*durch die Tat*).

Впрочем, хорошему делу, необходимому человеческому разуму, по крайней мере не наносит, как кажется, ущерба то, что оно в любом случае основано на предположениях, которые то или иное лицо вольно принимать за несомненное доказательство; ибо в конце концов придешь с необходимостью, все равно каким путем, к тому же самому положению, потому что без него разум никогда не сможет достичь полного собой удовлетворения. Однако здесь в том, что касается пути, по которому следует идти, возникает немаловажное опасение (*Bedenklichkeit*). Действительно, если согласиться с тем, что разум в своем спекулятивном применении обладает способностью с помощью прозрений выходить за границы чувственного, то оказывается более невозможным сводить его только к этому предмету: мало того, что он в таком случае открывает для себя широкий простор для всяких химер (фантазий), но и осмеливается с помощью фантазий судить о самой возможности существования высшего существа (согласно тому понятию, которое нужно религии) — примеры чего мы видим у Спинозы и даже в наше время, — а тем самым с помощью такого же высокомерного догматиз-

¹ Перевод выполнен по изданию: *Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissen – Schaften*. Berlin, 1923. Bd. 8. S. 249 – 255.

* *Поступила в редакцию 27.05.2015 г.*

doi: 10.5922/0207-6918-2015-2-8

© Кошцев И. Д., пер. с нем., 2015

ма низвергнуть это самое положение с такой же дерзостью, с которой ставилась себе в заслугу сама возможность получения подобного вывода. Вместо этого, в случае, если в том, что касается сверхчувственного, ему будут с помощью строгой критики подрезаны крылья, эта самая вера может быть полностью обеспечена практически хорошо обоснованным, а теоретически неопровержимым условием. Поэтому опровержение тех самых притязаний, какими бы благими намерениями они ни оправдывались, для самого дела не только ни в коей мере не вредно, а даже, наоборот, весьма полезно, более того, просто необходимо.

Именно это взял на себя автор настоящего сочинения, и после того, как я получил от него небольшой фрагмент из него, свидетельствующий как о его прозорливом таланте, так и о популярности, мне доставляет удовольствие сопроводить это сочинение замечаниями, имеющими отношение к данной теме.

В «Утренних часах» глубокомысленный Мендельсон, чтобы избавить себя от обременительного труда с помощью основательной критики этой способности разрешить спор чистого разума с самим собой, использует два фокуснических приема, которыми имеют обыкновение пользоваться благодушные судьи, а именно: либо мирно *улаживать* спор, либо *отклонять* его как совершенно не относящийся к компетенции суда.

Первая максима на странице 214 первого издания гласит: *«Вы знаете, как сильно я склонен рассматривать все споры философских школ как сплошь споры о словах или, по крайней мере, как следствие изначального спора о словах»*. И этой максиме он следует почти во всех полемических статьях своей книги. Я же, напротив, совершенно другого мнения и утверждаю, что в вещах, о которых на протяжении длительного времени шли споры главным образом в философии, в основе никогда не лежал спор о словах, а всегда был настоящий спор о вещах. Ибо, хотя в каждом языке есть слова, употребляемые в нескольких и различных значениях, пройдет немного времени и те, кто сначала не были едины в употреблении того или иного слова, вскоре заметят это недоразумение и будут использовать вместо них другие слова, так что в конце концов не окажется ни действительных омонимов, ни синонимов. Так, например, Мендельсон пытался объяснить старый спор о *свободе* и *необходимости* в определениях воли (изд. М. S., июль 1783 (?)) простым спором о словах, потому что глагол «долженствовать» (*müssen*) употребляется в двух различных значениях: то в чисто объективном, то в субъективном смысле. Но это похоже (по выражению Юма) на то, как будто бездну океана можно заткнуть пучком соломы. Ибо философы уже давно оставили это легко подвергаемое злоупотреблению выражение и свели этот спорный вопрос к формуле, которая придает ему более общую форму, как то: определяются ли события в мире (к которым принадлежат и наши произвольные поступки) последовательным рядом действующих предшествующих причин или нет; и это уже наверняка не спор о словах, а спор по существу, который никогда не может быть разрешен с помощью догматической метафизики. К данному приему прибегает этот дотошный человек почти везде в своих «Утренних часах», как только дело с разрешением затруднений начинает не ладиться. Однако вызывает опасение следующее: пытаясь повсюду усмотреть логические махинации (*Logomachie*), он, напротив, сам впадает в логические ухищрения (*Logodädalie*), за которыми философии уже ничто не может угрожать.

Вторая максима сводится к тому, чтобы задержать исследования чистого разума на определенной ступени (далеко не самой высшей) якобы на законных основаниях и просто закрыть тем самым *обращающемуся с вопросом лицу* рот. В «Утренних часах» на странице 116 говорится: «Когда я вам говорю, что некая вещь так-то действует или подвергается действию, то не спрашивайте далее, что она такое! Если я вам говорю, какое понятие вещи вы должны для себя сформировать, то дальнейший вопрос о том, чем является эта вещь сама в себе, не имеет смысла» и т. д. Однако тем не менее если я (как было показано в «Метафизических началах естествознания») вижу, что мы познаем в телесной природе не что иное, как пространство (которое не является чем-то существующим, а есть только условие для расположения (вещей) вне друг друга, следовательно, только для внешних отношений), и что, кроме того, также пространство, которое существует в ней (то есть она обладает протяженностью). Что не существует никакого другого действия, кроме движения (изменения местоположения, то есть простых отношений), а тем самым нет никакой другой силы или страдательного свойства для познания, за исключением движущей силы и движения (изменение внешних отношений), тогда пусть Мендельсон или кто-либо другой на его месте скажет мне, могу ли я верить, что я познаю вещь как она есть, если я не знаю о ней ничего другого, помимо того, что она есть нечто, находящееся во внешних отношениях к чему-то другому, и в которой самой существуют внешние отношения, что они могут изменяться в ней и благодаря ей в других (вещах), так что причина этому (движущая сила) присуща им самим. Одним словом, могу ли я, поскольку я не знаю ничего другого, кроме отношений нечего к нечему другому, и, следовательно, знаю только внешние отношения без того, чтобы мне было дано или могло быть дано нечто внутреннее, могу ли сказать, что у меня есть понятие о вещи в себе? И не является ли полностью правомерным следующий вопрос: чем является вещь, которая во всех этих отношениях выступает как субъект, сама по себе? Именно это вполне позволяет нам показать на понятии опыта нашей души, что оно содержит всего лишь проявления внутреннего чувства, а не все еще определение понятия самого внутреннего чувства; однако это увело бы меня сейчас в слишком пространное рассуждение.

Правда, если бы мы *знали* проявления какой-либо вещи, которые действительно были бы свойствами вещи в себе, то мы не имели бы права спрашивать, чем является эта вещь в себе, помимо этих ее свойств. Ибо в таком случае это есть именно то, что дается с помощью этих свойств. Но может быть выдвинуто требование, чтобы я указал те самые свойства и воздействующие силы с тем, чтобы можно было отличить их, а с их помощью и вещи в себе, от простых явлений. Я отвечаю: это уже давно произошло и сделано вами самими.

Подумайте только, как вы приходите к понятию Бога как высшей интеллектуальной инстанции? Вы мыслите в нем только истинную реальность, то есть нечто, что противопоставляется не только отрицанию, но и, главным образом, реальности в явлениях (*realitas Phaenomenon*). Таковы все явления, которые с необходимостью должны быть нам даны с помощью чувств и именно поэтому называются *realitas apparetens* (правда, не совсем удачным выражением). Теперь, если степень всех этих реальностей (рассудок, воля, блаженство, власть и т. д.) вы уменьшаете, тем не менее все они по своему качеству остаются всегда одни и те же, тем самым вы получаете

вещи в себе, которыми вы можете называть, помимо Бога, также и другие вещи. Хотя кажется странным, что мы можем составить себе полное понятие о вещах в себе только благодаря тому, что мы сводим всю реальность прежде всего к понятию Бога и, следовательно, как-то он в ней вместо нее находится, а только затем должны применять его также и к другим вещам как вещам в себе. Однако это есть только средство отделения всего чувственного и являющегося от того, что может рассматриваться рассудком как относящееся к вещам самим по себе. Таким образом, после получения полного знания, которое мы можем иметь о вещах благодаря опыту, вопрос: «Чем же являются его объекты как вещи в себе?» не может ни в коей мере рассматриваться как лишенный смысла.

Дела метафизики находятся теперь на такой ступени (Fuße), а акты для решения ее споров уже почти готовы для их провозглашения, так что дело только за тем, чтобы запастись немного терпением и обеспечить независимость суждений с тем, чтобы еще, быть может, при жизни в конце концов их разрешить к обоюдному удовлетворению сторон.

Кёнигсберг, 4 августа 1786 г.

Пер. с немецкого И.Д. Копцева

О переводчике

Иван Демьянович Копцев — д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, ivan.kopcev@mail.ru

About the translator

Prof. Ivan Koptsev, Department of Language Theory and Cross-Cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, ivan.kopcev@mail.ru